

ИГРУШКИ НА МИЛЛИОН

ИСТОРИЯ ПОП-АРТА

ВАЛЕНТИН ДЬЯКОНОВ

— Мел Рамос,
«Lola Cola», 1972

— Hublot, Big Bang
Pop Art

20 января этого года онлайн-издание *Взго 24/7* опубликовало интервью с владелицей центра современной культуры «Гараж» Дарьей Жуковой. Разговор как разговор: жизнь, творческие планы, дети, работа. Но внимание международного сообщества привлекла фотография, сопровождающая материал. На ней Дарья Жукова позировала сидя на кресле в форме чернокожей женщины, лежащей на спине так, что ее сапоги до колена служили спинкой. Все бы ничего, но 20 января Соединенные Штаты Америки празднуют День Мартина Лютера Кинга, борца за права чернокожих. Появление такой фотографии в этот день англоязычные блогеры и журналисты сочли оскорблением памяти великого правозащитника. Сайт и Жукова извинились, фотографию обрезали так, что торчат только ножки, и, что самое забавное, перевели в черно-белый формат — мол, все мы равны, нет ни черных, ни белых, а только оттенки серого.

Объясняться пришлось и автору кресла норвежцу Бьярне Мельгору. Художника обвиняли и в расизме, и в гомофобии. Мельгор отвечал как типичный деятель современного искусства, обвиненный в том, что сделал глупость: во-первых, это всего лишь искусство, во-вторых, кресло показывает проблему угнетения, а не воспеваает угнетателей. Разборки докатились и до Аллена Джонса, классика британского поп-арта, автора целого комплекта подобной мебели, только с белыми женщинами. Собственно, кресло Мельгора — переделка работы Джонса 1965 года. В интервью газете *The Independent* Джонс сказал, что никогда не задумывал свою работу как предмет интерьера: «Впервые вижу, чтобы на таком стуле сидели. Должно быть, это неудобно». 76-летнему класснику поп-арта в свое время пришлось выслушать немало обвинений в женоненавистничестве. До сих пор его мебель с человеческим лицом редко попадает в хрестоматии по истории искусства: нынешние стандарты приличия много жестче тех, что действовали 60 лет назад, когда возник поп-арт. В послевоенные годы открытие массовой культуры стало для многих интеллектуалов освобождением от тирании возвышенной серьезности, царившей в искусстве благодаря популярности американских абстрактных экспрессионистов и их идеолога Клементы Гринберга. В 1939 году Гринберг публикует эссе «Авангард и китч», где делит всю современную ему культуру на высокую и низкую в зависимости от того, насколько абстрактно способен мыслить художник. Художников понятных он презирует, хоть и путанно: Илья Репин у него оказывается современником Нормана Роквелла. После войны идеи Гринберга внезапно получают геополитический вес. США привозят в Европу любимых художников Гринберга и позиционируют их как главную альтернативу пафосному тоталитарному искусству стран фашизма. Навязывание абстрактной живописи встречает противодействие у ироничных британцев: вместо идеалов высоколобой культуры они находят в Америке другие, много более демократические образы. А над Гринбергом смеются: британский художник Джон Лэтэм приглашает учеников на ритуал под названием «Застынь и прожуй», в процессе которого все дружно перемалывают взятую в библиотеке книгу американского критика, засовывают получившуюся массу в бутылку и возвращают. В общем, британцами руководит антиэлитарный импульс, характерный для общества с четкими границами между аристократией, профессурой и простым человеком — без такого импульса не было бы, например, панк-рока. Вдруг выясняется, что можно стать ближе к народу, делать простые и понятные каждому вещи, не брезговать приемами рекламы. Во-первых, это красиво. Во-вторых, понятно. Но у каждого понятного изображения в отличие от отвлеченной игры цвета на плоскости всегда есть меняющаяся в зависимости от контекста